
ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ

В.М. Розин

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ КАК ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Аннотация: в статье рассматриваются несколько тем. Анализируется вклад методологии в современную антропологическую революцию. Он связан, прежде всего, с технологическим подходом и проектной установкой по отношению к мышлению. Обсуждается понятие «методологическая практика». Автор показывает, что это понятие отчасти марксистское, оно задает целое в плане изучения, причем такое, которое предполагает деятельностный подход, развитие и реформирование. Эти положения иллюстрируются и раскрываются на материале истории Московского методологического кружка. На примере проекта новой сексуальности М. Фуко демонстрируется в том числе и негативное влияние на человека методологии.

Ключевые слова: психология, деятельность, практика, методология, развитие, рефлексия, проектирование, антропология, реализация, психотехника.

Для современной антропологической революции характерны два момента: применение к человеку современных технологий, причем не только биотехнологий, но и различных психо- и мыслительных техник, а также большое значение проектного мышления. Но технологический подход к мышлению и проектность отличают как раз методологию и её практики. Поэтому не случайно, что методологические практики вносят свой вклад в современную антропологическую революцию. Чтобы понять какой, рассмотрим сначала более подробно на примере Московского методологического кружка (ММК), что такое методологическая практика.

Возводя практику к древне-греческому *πράξις* — «деятельность», её часто понимают именно как деятельность. Однако под влиянием марксизма эту деятельность, нагружают такими характеристиками как *общественная, историческая, преобразующая*. Таково так сказать общераспространенное, отчасти марксистское, употребление этого понятия в философии, социологии, политэкономии, психологии, педагогике и др. Но наряду с таким пониманием в этих дисциплинах существуют более строгие (более операциональные) трактовки практики, правда, к сожалению, неотрефлексированные. Используется это понятие, или может быть представление о практике и в методологической культуре (в литературе, языке, дискурсах). Не является исключением здесь и Московский методологический кружок (ММК).

Стоит более подробно рассмотреть марксистское понимание практики, которое, безусловно, повлияло

на её истолкование в методологии. В марксизме понятие «практика» имеет два основных смысла: практика выступает как своеобразный критерий истины (реальность, относительно которой проверяются наши гипотезы; если практика сложилась, то наши знания, гипотезы и сценарии были верны) и практике приписывается революционная преобразующая роль. Именно поэтому практика понимается как деятельность, целью которой является преобразование (модернизация, создание нового и т. п.). Конечно, оба эти смысла в каждой дисциплине и направлении мысли задаются конкретно, сообразно подходам и решаемым проблемам. Одно из марксистских пониманий практики можно увидеть у Мишеля Фуко. В изложении С.С. Хоружего оно выглядит так.

«Практика себя, — пишет Хоружий, — получает у Фуко целый ряд дефиниций. Приведем для начала две из них. Практики себя — это “некоторые процедуры, существующие, безусловно, в любой цивилизации, предлагаемые или предписываемые индивидам для закрепления их самоидентичности, ее поддержания или изменения; и возможные благодаря отношениям владения собой или познания себя”. И это также “намеренные и отрефлексированные практики, посредством которых люди не только устанавливают для себя правила поведения, но и стремятся преобразовать самих себя, измениться в своем уникальном бытии, сделать свою жизнь собственным производением”. Более точно, первое определение относится к “техникам себя”, термину почти, но всё же не полно-

стью синонимичному. С известным упрощением, можно сказать, что практики себя, являясь техниками себя, обладают еще важным дополнительным свойством: они направлены — возможно, не прямо, а в конечном итоге — на то, чтобы открыть индивиду доступ к истине. Этот аспект выражает такая, например, формула Фуко (она служит у него определением “духовности”, но может быть отнесена и к практикам себя): практики, “посредством которых субъект производит в себе самом изменения, необходимые для того, чтобы получить доступ к истине — это могут быть практики очищения, аскезы, отречение, обращение, изменение образа жизни” <...>

Из формул первой и третьей мы заключаем, что практики себя, в отличие от простых техник себя, несут элемент телеологичности: это — *направленные трансформации*, которые определяются некоторой заданной общеантропологической целью. В одном случае эта цель обозначена как конституирование (обретение, хранение, смена) идентичности человека, в другом — как обеспечение “доступа к истине”¹.

Если первая цель указывает, что практика вводится для задания деятельности, целью которой выступает преобразование, то вторая — что практика (в данном случае «практика себя» в отношении индивида) может быть рассмотрена как один из критериев истинности. Что, отчасти понятно, ведь марксизм искал такие критерии не в идеальном и в сознании мыслящего, а в материальном и деятельности. В этом отношении марксистское истолкование практики может быть также рассмотрено как способ правильного анализа социальной действительности, как ее основание.

Объясняя в 1971 году на лекциях, что такое методология, Щедровицкий пишет. «Методология как раз и возникает потому, что мы обращаем внимание на сами возможности действия и начинаем их формировать <...> Утверждается, что *существует особое, методологическое мышление*, которое движется не только в картинах объектов и протекающих в них процессов, но одновременно и во втором пространстве — *пространстве самой деятельности, соотнося друг с другом эти пространства и устанавливая между ними особые отношения*»²

Щедровицкий обсуждает, в частности, как относится деятельность к «социальности», «природе», «предметному» миру. Вывод, к которому он приходит, таков: социальная реальность — это реальность массовой деятельности, предметный мир порождается

деятельностью, а природа существует как «некоторая среда, как материя, на которой паразитирует социальный организм»³. В той же работе Щедровицкий истолковывает деятельность как *структуру*, а также как *механизм* развития мышления и знаний.

Изучение деятельности строилось главным образом путем построения «схем деятельности». Обсуждая программу построения теории деятельности, Щедровицкий указывает на зависимость движения по объекту изучения и его конкретизации от трех важных моментов: во-первых, от *возможностей развертывания схем деятельности*, во-вторых, в целом от *решения теоретических проблем*, наконец, в-третьих, от *задачи конфигурирования*, то есть синтеза в единое целое, отдельных представлений и предметов деятельности⁴.

Реализуя предложенные здесь идеи, Щедровицкий вместе со своими коллегами в течение примерно десяти лет построил несколько основных типов схем (предметов) теории деятельности: схему «*акта деятельности*» (преобразование исходного материала в продукт с использованием средств), схему «*воспроизводства деятельности и трансляции культуры*», схему «*кооперации деятельности*», схему «*коммуникации*», схему «*рефлексии*», схему «*сферы деятельности*»⁵. Для нашей темы особенно важны схемы воспроизводства деятельности и схема рефлексии.

Схема воспроизводства деятельности решала проблему *существования*, т. е. позволяла понять *онтологические основания* как самой *деятельности*, так и *социальности*, а затем и *культуры*. Схема рефлексии изображала *развитие деятельности* и объясняла его механизм. Параллельно решалась ключевая для методологии задача: давалось объяснение того, каким образом методолог может развивать деятельность, выступая как ее нормировщик.

Щедровицкий рассуждал здесь следующим образом: специфика методологической работы именно в рефлексии; осознание и перестройка деятельности предполагает рефлексии, то есть выход индивида из позиции деятеля в особую позицию развития (из которой деятельность может изучаться и перестраиваться); однако развитие деятельности происходит лишь в том

¹ Хоружий С.С. Фонарь Диогена. Критическая ретроспектива европейской антропологии. М., 2010. С. 499-501.

² Щедровицкий Г. Знак и деятельность. М., 2005. С. 58.

³ Щедровицкий Г.П. Проблемы логики научного исследования и анализ структуры науки. М., 2004. С. 231-237, 238.

⁴ Там же. С. 175, 219.

⁵ Здесь приведена одна из версий (авторская) типологии схем деятельности. В разных работах Щедровицкого и в работах других участников ММК можно встретить и другие варианты этой типологии (см., например, работу С.В. Комарова и С.И. Кордона «Основы методологии: системодетельностный подход». Категории. Пермь, 2005).

случае, если «рефлексивный выход» обеспечивает кооперацию обеих деятельностей (рефлектируемой и рефлектирующей)⁶.

Обратим внимание: развитие деятельности предполагает проектирование новой деятельности. Но и методологическая работа специфицируется Щедровицким в одном из своих планов через проектирование. «Продукты и результаты методологической работы в своей основной массе — это не знания, проверяемые на истинность, а проекты, проектные схемы и предписания. И это неизбежный вывод, — поясняет Щедровицкий, — как только мы отказываемся от слишком узкой, чисто познавательной установки, принимаем тезис К. Маркса о революционно-критическом, преобразующем характере человеческой деятельности»⁷.

Однако понимание развития предполагает не только создание нового, но и связь нового со старым, что можно понимать в логике усложнения или трансформации развивающегося целого. За счет чего, каких средств идет развитие? За счет проектирования и рефлексии. Но каким образом индивид может выйти из своей позиции деятеля, увидеть деятельность по-новому и перестроить ее? На что он может при этом опираться? Если посмотреть на реальную работу Щедровицкого и его коллег, напрашивается естественный ответ: на схемы и работу с ними (разворачивание схем, их обсуждение, создание на основе одних схем других). А как корректировать схемы, чтобы они выражали нужную для деятеля реальность, то есть приближались к моделям? Мы хотим, пишет Щедровицкий, чтобы схемы «соответствовали изучаемому предмету»⁸. Для этого, говорит Щедровицкий, необходимо не только проектирование, но и дальнейшее исследование. Однако, если оно очень сложно, а наша задача — «построить механизм и правила для развертывания схем», то в этом случае можно заменить исследование конструированием в онтологии деятельности, опираясь именно на схемы деятельности⁹.

Нельзя ли тогда предположить, что рефлексия в трактовке Щедровицкого позволяет объяснить развитие деятельности именно за счет деятельности ме-

тодолога, который строит схемы и проектирует на их основе новые схемы? Одновременно таким способом деятельность изучается.

При этом реальность деятельности объявлялась *единственно существующей реальностью, реальностью как таковой*. Поэтому, кстати, когда Щедровицкому задавали вопрос: а что, мол, разве нельзя выйти за пределы деятельности и искать механизмы изучаемых явлений в других дисциплинах, — он отвечал жестко: «нельзя». Когда в 70-е гг. на лекциях один из участников спросил его, нельзя ли вырваться за пределы деятельности, Щедровицкий однозначно ответил: «Нельзя и не надо. Надо только развивать деятельность, поднимаясь по ступенькам вверх и вверх. Конечно, мы не получаем объекта, всегда только знание, но ведь объект нам и не нужен <...> Сама попытка выйти за пределы деятельности — нонсенс»¹⁰.

Эту позицию Щедровицкого можно объяснить, с одной стороны, установкой на развитие теории деятельности, что предполагало защиту онтологии против контрпримеров (см. концепцию И. Лакатоса). С другой же стороны, не секрет: методологи того времени были убеждены, что они, наконец, поняли, как на самом деле устроен мир. (Только, выйдя на схему мыследеятельности, создатель ММК начал пересматривать это мировоззрение).

Итак, деятельность — это сама реальность, причем эта реальность развивается посредством механизма рефлексии и творчества методологов. Правда, как спрашивается, деятельность, как реальность относится к обычному миру и его историческому движению? Ведь не одно и то же схемы, конструируемые методологами, и то, на что они проецируются. Одно дело — это онтология деятельности как построение методолога (заданная схемами деятельности), а другое — «деятельность как объект». Что это за объект? Очевидно, это не реальная эмпирически наблюдаемая деятельность. Она-то как раз методологов не устраивала; методолог стремится перестроить существующую реальность. Деятельность как объект — это *желаемая, возможная реальность*, что для методолога значит следующее. Это *реальность, понимаемая как деятельность, реальность развивающаяся, причем именно за счет рефлексии и методологического творчества*. На какое имя откликается подобная реальность? Оказывается, как раз на имя «практика», ведь практика понимается как деятельность, как историческая реальность, как преобразование, наконец, как реальность, описание

⁶ Щедровицкий Г.П. Исходные представления и категориальные средства теории деятельности // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., 1995. С. 271-276.

⁷ Щедровицкий Г.П. Принципы и общая схема методологической организации системно-структурных исследований // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., 1995. С. 96.

⁸ Щедровицкий Г.П. Исходные представления и категориальные средства теории деятельности // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., 1995. С. 245.

⁹ Там же. С. 273.

¹⁰ Щедровицкий Г.П. Структура знака: смыслы, значения, знания. 14 лекций 1971 года // Щедровицкий Г.П. Знак и деятельность. Т. 1. М., 2005. С. 64, 71.

которой дает истинные знания (истинные в методологическом понимании).

И мы видим, что параллельно с развитие теории деятельности начинается использование представлений о практике, точнее формирование нового методологического понятия практики. Например, в работе «Система педагогических исследований (методологический анализ)» Щедровицкий вводит понятие «практика» в рамках дискурса, который образовывал ядро анализа, как позднее стали говорить, «сферы деятельности»¹¹. Здесь практика, называемая «практической деятельностью», с одной стороны, противопоставлялась инженерии, методике, науке, педагогике, методологии, с другой — так сказать «размножается», порождая инженерию, методику, науку, педагогику, методологию, но уже как самостоятельные практики. Практика оказывается парадоксальной: это и исходная целостность — практическая деятельность и то, что из неё (или на основе неё) образуется и выводится; практика и отдельные, ставшие в ходе разворачивания деятельности образования (практическая деятельность, инженерия, методика, наука, педагогика, методология), и все они вместе как целостность воспроизводящейся деятельности. Впрочем, эта парадоксальность объяснима, учитывая задачу, которая стояла перед Щедровицким — получить логически контролируемые знания о деятельности, и подход, который он при этом реализовал (это был вариант метода «восхождения от абстрактного к конкретному»).

Абстрактный уровень в данном случае задавала онтология деятельности, а конкретный — понятие «практика». «Конкретный» — не значит эмпирический и тот, который наблюдается в действительности. Практика достаточно абстрактное понятие. «Конкретный» надо понимать, как указание на изучаемую реальность, на уровень анализа, противопоставленный абстрактному уровню в схеме метода «восхождения от абстрактного к конкретному».

Анализ сферы деятельности представлял собой попытку построения такого дискурса, в рамках которого можно было бы использовать понятие «практика» в качестве эвристики для исследования и конституирования сложной области деятельности. Для самих методологов представления о практике и теоретико-деятельностное понятие «практика» выполняли роль средства самоорганизации, позволяющей реализовать установку, в соответствии с которой теория деятель-

ности должна быть органичной и эффективной в социальном отношении (обеспечивала бы перестройку и развитие мышления и деятельности, сделала бы ненужными другие концепции).

Известно, что Щедровицкий не стал дожидаться исторического и социального подтверждения своей философии. Он решил создать структуры деятельности и мышления, соответствующие этой философии. Это можно понимать как социальный эквивалент галилеевского эксперимента и инженерной проверки.

Но можно это понять и иначе — как завершение исследований мышления и деятельности. Построенные схемы и представления были объявлены онтологией, реальность была истолкована как деятельность, а методологическая работа свелась к построению на основе этих схем и представлений нормативных и организационных предписаний для себя и других специалистов¹². Если же описываемый материал все же сопротивлялся, схемы теории деятельности достраивались и уточнялись. Но вся эта работа уже шла в рамках закрепленной онтологии и убеждения, что ничего кроме деятельности не существует.

И все же Щедровицкому удалось сделать еще один важный шаг — сформировать особый класс деловых игр, получивших название «организационно-деятельностных» (ОДИ), которые рассматривались как *полноценная методологическая практика*, поскольку в ней методологи, с одной стороны, получали в свое распоряжение (правда, только на период игры) специалистов-предметников и предписывали, как им мыслить и действовать, а с другой — смогли реализовать свой идеал методологии.

В современной ретроспективе переход к организационно-деятельностным играм выглядит вполне закономерным: если в обычных условиях представители той или иной дисциплины не хотели принимать «на своей территории» методологические требования и нормы, то в игре их ставили в такие жесткие искусственные условия, которые позволяли не только распродметить (размонтировать) сложившееся мышление специалистов, но и вменить им (более или менее успешно) методологические схемы и схемы деятельности.

Итак, на этапе развертывания ОДИ рассмотренные выше представления о практике и понятие «практика» были использованы для построения экспериментальной методологической практики, то есть предполагалось, что ОДИ и есть полноценная практика. При

¹¹ Щедровицкий Г.П. Система педагогических исследований (методологический анализ) // Педагогика и логика. М., 1993. С. 47-52.

¹² Еще в конце 60-х гг. Георгий Петрович сказал мне в частной беседе: «Главное уже сделано, основная задача теперь — распространение теории деятельности и методологии на все другие области мышления и дисциплины».

становлении ОДИ стояли несколько задач: продемонстрировать эффективность методологических представлений при решении ряда, по сути, нерешаемых социальных задач, создать для методологии область реализации ее идей, повлиять на предметников и специалистов, сдвинув их сознание в методологическом направлении. Решение этих задач позволило создать как образцы ОДИ, так и особую социальную технологию, которая в разных формах и модификациях стала быстро распространяться. ОДИ осуществляется как коллективная работа и обязательно с методологическим сопровождением.

В так или примерно так представленном феномене ОДИ можно реконструировать процессы становления и развития, оппозицию деятельности и методологических представлений (схем, понятий, знаний), преобразующую и формирующую роль ОДИ в отношении сознания его участников, не исключая и самих методологов, значение ОДИ как источника новых методологических представлений и одновременно реальности, в которой проверяется их эффективность и истинность (в методологическом понимании). Другими словами, ОДИ вполне может быть реконструирована не только как полноценная практика, но и как методологическая практика.

Стоит обратить внимание на контекст и жанр ОДИ: это именно игровая форма, групповая работа и публичный форум (общие заседания, выступления, защиты); своего рода «слоеный пирог» творчества, работы и рефлексии, наконец, сложное взаимодействие методологов и остальных участников игры. Одновременно, ОДИ — это жизнедеятельность и творчество (живой организм), в котором огромную роль играют отдельные личности (руководитель игры, игротехники, участники игры), а также игротехническая команда. В этом отношении ОДИ представляют собой симбиоз технологических (методологических) форм работы и живого, личного общения и творчества. Возможно, именно указанные особенности ОДИ делают их органичными и жизнеспособными. Не должны ли мы тогда в понятие методологической практики наряду с вышеуказанными характеристиками включать и подобные моменты?

В культурологии (во всяком случае, в том направлении, которое развивает автор) практика — одна из важных составляющих «распределенного целого», наряду с личностью, схемами и знаниями, сознанием и другими реалиями. Представление о распределенном целом дополнительно к категории «становление» (в отличие от категории «развитие», которое обсуждает Щедровицкий). Все составляющие распределенного целого становятся одновременно, влияя друг на друга.

Однако запускают процесс становления разные составляющие (в этом плане, конечно, это не составляющие, а одна из предпосылок). Например, при формировании архаической культуры в качестве «пускового» момента (предпосылки) выступило изобретение схемы архаической души, становление античной культуры было спровоцировано появлением личности¹³.

Приведенные характеристики представлений о практике и понятия «практика» говорят о том, что это, с одной стороны, особый подход, с другой — онтологические построения в рамках этого подхода и теории деятельности, с третьей стороны, экспериментальная практика, где реализуется и первое и второе. Как подход практика задает целое и условия его мыслимости, если нам нужно объяснить и задать развитие или становление некоторого явления (например, сферы деятельности или культуры). Скажем, задавая сферу педагогической деятельности, Щедровицкий полагает педагогическую практику как такое целое, относительно которого можно охарактеризовать остальные деятельности этой сферы. Педагогическая практика, конечно, отличается, например, от педагогической науки или методики, но в «дискурсе становления» она мыслится как необходимое условие их формирования и даже в некотором отношении включает их в себя. (В разных традициях философии или науки развитие и становление мыслятся различно; в этой связи мы имеем дело с различными понятиями «практика»).

Для методологической практики как подхода характерно представление, что эффективное развитие деятельности (мыследеятельности) предполагает разворачивание методологического обслуживания и сопровождения в качестве органа этой деятельности. Именно этот момент — развитие мышления и деятельности на основе методологии и задает «практичность» в методологическом понимании.

Однако методологическое обслуживание и сопровождение (проблематизация, критика, рефлексия, проектирование, построение методологических схем, реализация замышленного, коррекция и пр.) могут быть как правильными, так и ошибочными, работающими против человека и культуры. Именно это мы и видим на материале антропологии. Рассмотрим один пример — методологические декларации и утверждения Фуко о сексе, кстати, ориентированные именно на решение проблем, вставших в ходе антропологической революции.

«Надо, — пишет Фуко бросить вызов <...> тенденции сводить вопрос о гомосексуальности к проблеме

¹³ Розин В.М. Античная культура. Этюды-исследования. М., 2005.

«Кто я такой? Какова тайна моего желания?» Быть может лучше спросить: А какие отношения можно с помощью гомосексуальности установить, изобрести, умножить, смодулировать? <...> Гомосексуальность — это не форма желания, это нечто желаемое. Мы должны со страстью становиться гомосексуальными <...> Быть геем — значит пытаться определить и реализовать определенный образ жизни»¹⁴.

«Фуко, — пишет С.С. Хоружий, — рассматривает не только субкультуру геев; одна длинная беседа почти целиком посвящена «субкультуре С/М», то бишь садомазохизму. Философ признает в ней ту же природу, это — еще одна разновидность эстетики существования, причем идущая в ценном и интересном направлении, указывающая новые пути: «С/М — это действительно субкультура. Это процесс изобретения <...> это эротизация власти, эротизация стратегических отношений <...> реальное творчество новых возможностей удовольствия <...> Практики С/М показывают нам, что мы можем продуцировать удовольствие посредством очень странных предметов, используя некоторые причудливые части наших тел, в самых необычных ситуациях <...> Нечто очень важное — это возможность использовать наше тело как возможный источник множества удовольствий <...> Мы должны создавать новые удовольствия»¹⁵. Т.о., субкультура С/М наглядно указывает, каким должно быть новое русло развития человека и культуры; и становится ясно, какие еще субкультуры надо выстраивать: «Элементом нашей культуры должны стать наркотики <...> как источник удовольствия. Мы должны изучить наркотики <...> должны производить хорошие наркотики — способные порождать очень интенсивное удовольствие <...> Сейчас наркотики — это часть нашей культуры. Как есть хорошая и плохая музыка, есть хорошие и плохие наркотики. И как нельзя сказать, что мы «против музыки», так же нельзя сказать, что мы «против наркотиков»». [Реплика из зала:] — «Цель — это испытание удовольствия и его возможностей». [Ответ Фуко:] — «Да»¹⁶.

Фуко здесь выражает один из трендов современной цивилизации, он размышляет о «техниках себя», позволяющих получить максимум удовольствий и

«сделать из себя произведение искусств». Что же это за тренд, если иметь в виду нашу тематику? В рамках этого тренда происходит не только обособление любви и секса, но и, начиная с двух последних веков, конституирование и размножение разных форм сексуальной жизни. Спрашивается, почему идут эти процессы?

Не потому ли, что новоевропейский человек считает себя «вторым богом» (Н. Кузанский), способным творить не только желаемые вещи (Леонардо да Винчи), но самого себя (Пико делла Мирандола)? Не потому ли, что рыночные отношения постепенно разрушили традиционные социальные общности и сделали товар главной ценностью жизни? Не потому ли, что инженерный подход ко всему, в том числе и человеку, стал основным? Что такое инженерный подход по отношению к человеку? Это убеждение, что, с одной стороны, человек подчиняется законам природы, которые например, изучает психология и другие антропологические науки, с другой — что человек есть demiurge (инженер) в отношении самого себя. В последнем качестве он может использовать свою природу, в частности, свое тело, половое влечение, эмоции и пр. для своей пользы, например, извлечения максимальных наслаждений. Учтем также, что многие наши современники согласны с лозунгом Ф. Ницше «Бог умер». Ничего кроме природы, считают они, не существует, и жить надо в соответствии с рациональными отношениями, поскольку на их основе сложились рынок и либеральные институты, составляющие ядро нашей социальности.

Правда, уже в 20-х годах прошлого столетия Н. Бердяев писал: «Мы живем в эпоху, аналогичную гибели античного мира <...> Индивидуализм, атомизация общества, безудержная похоть жизни, неограниченный рост народонаселения и неограниченный рост потребностей, упадок веры, ослабление духовной жизни — все это привело к созданию индустриально-капиталистической системы, которая изменила весь характер человеческой жизни, весь стиль ее, оторвав жизнь человеческую от ритма природы. Машина, техника, та власть, которую она с собой приносит, та быстрота движения, которую она порождает, создают химеры и фантазии, направляют жизнь человеческую к фикциям, которые производят впечатление наиреальных реальностей. Повсюду раскрывается дурная бесконечность, не знающая завершения»¹⁷.

¹⁴ Цитировано по: Хоружий С.С. Фонарь Диогена. Критическая ретроспектива европейской антропологии. М., 2010. С. 584. (Раздел 10. Последний проект Фуко. Практики себя и духовные практики).

¹⁵ Michel Foucault, une interview: sexe, pouvoir et la politique de l'identité. DE II, 358. P.1562, 1561, 1557.

¹⁶ Иб. P.1557; Хоружий С.С. Практики себя и духовные практики. Критическая ретроспектива европейской антропологии. М., 2010. С. 588-589.

¹⁷ Бердяев Н.А. Новое средневековье (размышление о судьбе России и Европы) // Вестник высшей школы. 1991. № 3. С. 100.

К сожалению, и сегодня через сто лет слова Бердяева не потеряли своей актуальности. Более того, указанная тенденция только углубляется и расширяется, так что в настоящее время уже можно говорить о настоящей гуманитарной катастрофе, охватившей весь цивилизованный мир. Надо признать, что сексуальная революция внесла в эту катастрофу существенный вклад. Тем не менее, в этой области любви и сексуальности многое зависит не только от трендов цивилизации, но и от нас самих.

Недавно мой друг Алексей Давыдов сделал доклад, в котором, обсуждая сексуальную революцию, говорил следующее: «Мысль секс-дизайнеров свободна. И пусть она будет свободна. Пусть она производит новый мир. И пусть этот мир будет местами «мутным». А каждый из нас всегда сможет выбрать из этой «мути» то, что ему надо брать в лодку, плывя в будущую культуру, а что не надо <...> Что хорошего в том, что рухнули оковы чрезмерного контроля за сексуальным поведением населения, и «секс» в значительной степени вырвался на свободу? В появлении новой рефлексии, нужной человеку? Отнюдь нет. Главное в том, что родилась такая сфера социальности, которая заявляет о себе, как о свободной. Это не область свободы первостепенной важности. Не сфера, в которой человек требует свободных выборов, независимых судов и борьбы с коррупцией. И, тем не менее, это та сфера, в которой человек чувствует себя лично свободным. А это значит, что, почувствовав себя свободным в этой сфере, он захочет чувствовать себя таковым и в других видах своей деятельности»¹⁸.

Оказывается, сексуальная революция совершается ради либеральных ценностей, среди которых, как известно, ценность свободы является главной. Кстати, именно в неспособности быть свободным Давыдов видит причины российских неудач и «откатов». «Чтобы таких откатов не было, — утверждает он, — в обществе должен быть сформирован новый уровень потребности в свободе. В свободе как таковой. Свободе личности. Нет в массах потребности в большей свободе, не будет и глубоких и необратимых системных реформ. И если уж и говорить о просчетах российских реформаторов, то это, в первую очередь, недооценка ими необходимости развивать в массовом сознании потребность в личной свободе»¹⁹.

Но правилен ли сам это тезис? О какой свободе здесь идет речь? Если, как я показываю в своих работах (и не только я), наше понимание и практикование секса убивает любовь и чревато тяжелыми последствиями для человека и общества, то свобода ли это? Уже Кант утверждал, что свобода — это не просто удовлетворение любых желаний, которые нам приходят в голову и сжигают. «У Канта, — показывает П. Гайденок, — свобода определялась как противоположность природному началу, измерялась мерой сопротивления природе»²⁰. Сопротивления, направляемого разумом. Кроме того, является ли сегодня либеральная программа преобразования России той, которая нам нужна? Я думаю, во всяком случае в настоящее время, в России невозможно построить либерально-демократическое общество, по меньшей мере, по двум обстоятельствам. Во-первых, для этого не сложились необходимые условия. Российское общество расколото и пассивно, зато сильны всякие манипуляторы сознанием людей от власти и бизнеса. Не сложились нормальный рынок, право, парламент и другие либерально-демократические институты. Чиновники и власть всех уровней заняты тем, что изобретают схемы, позволяющие извлекать доход (так называемая «административная рента») из своих рабочих мест, должностей и статусов. В обществе эффективны насилие и цинизм. Не продолжая, все это широко обсуждается в Интернете и некоторых СМИ. Во-вторых, возможно, в России сложатся какие-то другие социальные институты и организмы, отличные от западных (в ходе их проектирования нужно осмыслить и западный и отечественный опыт).

Да и не стоит, с моей точки зрения, подверстывать секс и любовь к социальным задачам расширения свободы личности. Скорее нужно решать другие задачи: подчинить любовь и секс осмысленному жизненному пути человека и работать над тем, чтобы свобода не разрушала все на своем пути, подобно пушке на палубе корабля, оторвавшейся во время бури, а способствовала именно жизни, помогая человеку оставаться человеком.

Да, методологические практики делают свой вклад в антропологическую революцию, но этот вклад неоднозначен. В конце концов, последней инстанцией в принятии решений является не методология, а человек и общество.

¹⁸ Давыдов А.П. Кризис культуры и культурная революция в России [Электронный ресурс] // www.liberal.ru.

¹⁹ Там же.

²⁰ Гайденок П. Прорыв к трансцендентному. Новая онтология XX века. М., 1997. С. 99.

Список литературы:

1. Бердяев Н.А. Новое средневековье (размышление о судьбе России и Европы) // Вестник высшей школы. 1991. № 3.
2. Гайденко П. Прорыв к трансцендентному. Новая онтология XX века. М., 1997.
3. Давыдов А.П. Кризис культуры и культурная революция в России [Электронный ресурс] // www.liberal.ru.
4. Комаров С.В., Кордон С.И. Основы методологии: системодейственный подход. Категории. Пермь, 2005.
5. Розин В.М. Античная культура. Этюды-исследования. М., 2005.
6. Хоружий С.С. Фонарь Диогена. Критическая ретроспектива европейской антропологии. М., 2010.
7. Щедровицкий Г.П. Знак и деятельность. М., 2005.
8. Щедровицкий Г.П. Исходные представления и категориальные средства теории деятельности // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., 1995.
9. Щедровицкий Г.П. Принципы и общая схема методологической организации системно-структурных исследований // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., 1995.
10. Щедровицкий Г.П. Проблемы логики научного исследования и анализ структуры науки. М., 2004.
11. Щедровицкий Г.П. Система педагогических исследований (методологический анализ) // Педагогика и логика. М., 1993.
12. Щедровицкий Г.П. Структура знака: смыслы, значения, знания. 14 лекций 1971 года // Щедровицкий Г.П. Знак и деятельность. Т. 1. М., 2005.
13. Michel Foucault, une interview: sexe, pouvoir et la politique de l'identité. DE II, 358.

References (transliteration):

1. Berdyaev N.A. Novoe srednevekov'e (razmyslenie o sud'be Rossii i Evropy) // Vestnik vysshey shkoly. 1991. № 3.
2. Davydov A.P. Krizis kul'tury i kul'turnaya revolyutsiya v Rossii [Elektronnyi resurs] // www.liberal.ru.
3. Gaydenko P. Proryv k transsendentnomu. Novaya ontologiya KhKh veka. M., 1997.
4. Khoruzhiy S.S. Fonar' Diogena. Kriticheskaya retrospektiva evropeyskoy antropologii. M., 2010.
5. Komarov S.V., Kordon S.I. Osnovy metodologii: sistemodeyat'nostnyy podkhod. Kategorii. Perm', 2005.
6. Rozin V.M. Antichnaya kul'tura. Etyudy-issledovaniya. M., 2005.
7. Shchedrovitskiy G. Znak i deyatel'nost'. M., 2005.
8. Shchedrovitskiy G.P. Iskhodnye predstavleniya i kategorial'nye sredstva teorii deyatel'nosti // Shchedrovitskiy G.P. Izbrannye trudy. M., 1995.
9. Shchedrovitskiy G.P. Printsipy i obshchaya skhema metodologicheskoy organizatsii sistemno-strukturnykh issledovaniy // Shchedrovitskiy G.P. Izbrannye trudy. M., 1995.
10. Shchedrovitskiy G.P. Problemy logiki nauchnogo issledovaniya i analiz struktury nauki. M., 2004.
11. Shchedrovitskiy G.P. Sistema pedagogicheskikh issledovaniy (metodologicheskii analiz) // Pedagogika i logika. M., 1993.
12. Shchedrovitskiy G.P. Struktura znaka: smysly, znacheniya, znaniya. 14 lektsiy 1971 goda // Shchedrovitskiy G.P. Znak i deyatel'nost'. T. 1. M., 2005.
13. Michel Foucault, une interview: sexe, pouvoir et la politique de l'identité. DE II, 358.